

Сара Пеннипакер

Здесь,
в реальном
мире

Ты в сто раз лучше, чем нормальный!

Сара Пеннипакер

Здесь, в реальном мире

Иллюстрации Джона Классена

Перевод с английского

Натальи Калошиной и Евгении Канищевой

Москва
Самокат

ИНФОРМАЦИЯ

ОТ ИЗДАТЕЛЬСТВА

Художественное электронное издание

Для среднего школьного возраста

*В соответствии с Федеральным законом № 436 от 29 декабря 2010 года
маркируется знаком 9+*

Одиннадцатилетний Вар мечтает провести лето в одиночестве, в своем собственном мире — в мире средневековых рыцарей и замков. Но родители записывают его в городской лагерь «Рекреация», где придется проводить время «в осмысленном социальном взаимодействии с другими детьми». Так называемыми «нормальными» детьми. Хуже не придумаешь!

Но в первый же день Вар находит по соседству с «Рекреацией» руины заброшенной церкви, где можно построить отличный замок. И знакомится с загадочной и упрямой Джолин, которая намерена здесь же, на пустыре, устроить плантацию папай.

Вар и Джолин очень разные, однако у них есть кое-что общее: им обоим отчаянно нужно убежище. И когда оно оказывается под угрозой, Вар заглядывает в Рыцарский кодекс: Всякий раз, оказавшись перед лицом несправедливости, вступай с нею в бой.

Но что значит быть рыцарем в реальной жизни? И что могут сделать двое детей?

Сара Пеннипакер — американская писательница, автор прославленного «Пакса», мирового бестселлера, переведенного на русский язык в 2017 году.

*Любое использование текста и иллюстраций разрешено только с согласия
издательства.*

Copyright © Sara Pennypacker, 2020

Illustration copyright © 2020 by Jon Klassen

This edition published by arrangement with Writers House
LLC and Synopsis Literary Agency

© Калошина Н., Канищева Е., перевод на русский язык,
2020

**ISBN 978-5-
00167-176-3**

© Издание на русском языке, ООО «Издательский дом
«Самокат», 2020

*Моей дочери Хиллари.
Спасибо, что удержала эту книгу здесь,
в реальном мире*

С. П.

1

Вар погладил два кирпича, аккуратно сложенные на краю бассейна. Завтра он раскокает их на куски и начнёт строить крепостной вал вокруг своего замка, но сегодня они ему нужны для другого.

В сумерках вода стала бирюзовой, он поболтал в ней ногами. Ровно в семь пятьдесят шесть надел плавательные очки, затянул резинку. «Мальчик готовился к большому событию», — сказал он закадровым голосом. Точнее, закадровым шёпотом — на случай, если у кого-нибудь открыто окно или рядом шастают Короли-Близнецы.

Короли-Близнецы на самом деле не близнецы, а просто два старикана в одинаковых клетчатых шортах и панамах. И не короли — но они расхаживают по Сансет-Палмс как средневековые монархи-деспоты, отравляют жизнь всему пенсионерскому посёлку.

Вар изучал Средние века в школе. Бывали монархи добрые и мудрые, бывали жестокие и злые. Тогда вообще всё зависело от везения: смерд, рыцарь — кем родился, тем и живи.

Первый раз Короли прицепились к Вару, когда он лежал в траве, прижимаясь щекой к земле, и смотрел, как муравьи цепочкой терпеливо взбираются на камень, пересекают его из конца в конец и потом сползают на землю. Как трудно жилось бы людям, думал он, если бы они не понимали, что некоторые препятствия можно обойти. Короли тут же обозвали его Астронавтом — они, мол, никак не могли до него докричаться, только с третьего раза он соизволил поднять голову.

С тех пор при виде Вара они обязательно выдают какую-нибудь остроту. И сами же от неё веселятся, аж складываются пополам от хохота, хватают себя за коленки. Хотя ничего весёлого в их остротах нет. Просто им нравится издеваться.

И это бы ладно — когда он отключается, над ним многие смеются, он привык.

Но тогда из дома вышла Велика-Важность и глянула на них так, что Короли заткнулись и тихо слиняли, — вот это был стыд и позор. Потому что в одиннадцать с половиной лет человек сам должен защищать свою бабушку, а не наоборот.

— Эти-то? Да от них никакого вреда! — сказала ему вчера Велика-Важность. И рассмеялась, отчего стало ещё стыднее и позорнее. — Кстати, они до смерти боятся микробов. А ты возьми и соври им, что у тебя какая-нибудь зараза. Как ты насчёт дизентерии?

Зря он сейчас подумал про Королей-Близнецов. Потому что они тут же выкатились из-за угла, придерживая свои монаршие животы.

— Эй, Астронавт! — гоготнул тот, что пониже ростом. — Смотри, как бы твой кислородный шланг не засосало в сток!

Вар покосился на дверь бабушкиной квартиры, потом обернулся к Королям и сказал:

— Вы ко мне лучше не подходите. А то у меня какая-то зараза.

И очень убедительно схватился за живот и застонал.

Короли тут же укатились обратно за угол.

Вар снова посмотрел на часы — семь пятьдесят восемь — и начал отшлёпывать секунды ступнями по воде.

В семь пятьдесят девять он взял кирпичи. Потом наполнил лёгкие — воздух с запахом солнцезащитного крема был горячим и сладким, будто кто-то рядом жарил кокосы, — и соскользнул в воду с глубокой стороны. Кирпичи, будто сразу став вдвое тяжелее, плавно утянули его на дно.

Он ещё ни разу не погружался на самое дно, потому что у него имелось некоторое количество жировой

прослойки и она срабатывала как надувной матрасик. «Это у тебя молочный жир, — говорила мама. — Он потом превратится в мышцы». Теперь, стоя каждый день в плавках перед бабушкиным зеркалом, он думал, что мама почему-то упустила главное: как жир превратится в мышцы? Может, для этого надо делать какие-нибудь специальные упражнения? Тогда, может, завтра и начать.

Из-под воды он видел четыре большие финиковые пальмы — по одной на каждом углу бассейна. Сквозь рябь их мохнатые стволы извивались и кривлялись, как ожившие гаргульи.

В восемь часов зажгутся мерцающие гирлянды, которыми обмотаны пальмы. Сегодня он увидит это со дна бассейна. Ладно, может, его большое событие и не такое уж прямо суперпупербольшое, зато смотреть сквозь воду интересно: всё так странно и будто перекошено, но видно даже яснее, чем обычно. А он, между прочим, умеет задерживать дыхание больше минуты, так что успеет разглядеть всё в подробностях.

Но спустя пять секунд случилось что-то не то: верхушки пальм вдруг осветились красным.

Скорая помощь, сразу догадался Вар. За эти три недели в Сансет-Палмс он трижды просыпался ночью от таких красных вспышек — ну понятно, пенсионерский посёлок. И дальше тоже понятно: на подъезде скорая отключает сирену — зачем им лишние сердечные приступы? — паркуется на улице. Из машины выскакивают медики, сразу бегут вокруг дома к двери нужной квартиры — это потому, что со стороны бассейна двери стеклянные, раздвижные, в них легче вкатить носилки и выкатить человека.

Не бойся, телеграфировал он тому, кто лежал на носилках, как делал и в прошлый раз, и до этого. Ему всегда казалось, что испуганные люди похожи на сырые

яйца без скорлупы — такие дрожащие. И больно было думать о том, как им страшно.

Поэтому, глядя сейчас на мигающие красным пальмы, он стал думать о счастье. Счастье может даже подкрасться к тебе тайком — скажем, родители отсылают тебя на лето к бабушке и ты точно знаешь, что это будет жуть, а оказывается наоборот: лучше не бывает. Потому что ты впервые в жизни один и свободен — много, много часов подряд. Ну разве что два старикана портят картину, но они боятся микробов, так что и правда никакого вреда.

Наверху по быстро лиловеющему небу проплыла цапля, белая и гладкая, точно вырезанная из мыла. Когда в кино появляется такой кадр, одна летящая птица, — понимаешь, что главный герой отправится в путешествие. И, как всегда, когда он видел такое, что дух захватывает, ему захотелось с кем-нибудь этим поделиться. *Ух ты! Смотри.* Но он никого тут не знает, кроме бабушки, а она сегодня неважно себя чувствует, ещё не совсем оправилась от...

Вар выпустил кирпичи, взлетел на поверхность и, сдёрнув очки, увидел: бабушкина стеклянная дверь сдвинута в сторону, проём как разинутый рот, два медика склонились над носилками.

И женщина, видимо врач, щуря глаза, смотрит в сторону бассейна, её белый халат в свете мигалки вспыхивает розовым, будто под ним бьётся неоновое сердце. А рядом — миссис Лемон из четвёртой квартиры: одна костлявая рука на груди купального халата, другая, с вытянутым пальцем, нацелена, как ружьё, прямо на Вара.

Уцепившись за лестницу, Вар несколько раз зажал ладонью одно ухо, другое — вода, чавкнув, вылилась, — и, выбираясь из бассейна, услышал:

— А это её внучек. Витает где-то там, в своём мире.

Ровно в восемь зажглись мерцающие гирлянды.

2

Проснувшись, Вар не сразу понял, почему он дома, у себя в кровати, а не на бабушкином диване с кусачими пружинами. Но тут же всплыла вся эта ночь — как они молча, хмуро ехали за мигалкой скорой помощи в обшарпанном бьюике миссис Лемон; как потом молча сидели в приёмной под кондиционером и его трясло от тревожного ожидания, а может, от того, что он не вытерся после бассейна, — жалостливая нянечка набросила ему на плечи одеяло; как через несколько часов в приёмную ворвалась мама, и подбородок у неё был как каменный.

Он откинул простыню и вскочил. На середине лестницы до него долетели голоса родителей из кухни. Папин:

— Ты же сама не хотела...

И мамин:

— Знаю, знаю. Мне просто жаль, что...

Вар почти скатился по ступеням.

— Мам, чего тебе жаль? С бабушкой всё хорошо?

— Как ты? — Папа встал и шагнул ему навстречу. — Ну и досталось тебе сегодня ночью...

— Мам. Как дела у Велика-Важности?

— Она в сознании, — не поднимая глаз от чашки кофе, ответила мама. — Всё будет хорошо.

— Ой, здорово. И когда я возвращаюсь обратно?

— Обратно?..

Тут у мамы зазвонил телефон. Одной рукой она взяла трубку, другую прижала ко лбу, будто боялась, что он сейчас расколется, и быстрым шагом ушла в спальню.

Папа встревоженно смотрел ей вслед.

Вообще-то тревога — это нормальное папино состояние. «Профессиональная деформация», — часто говорил он, и Вару почему-то казалось, будто папа гордится этой своей деформацией. Когда твоя работа

состоит в том, чтобы сажать самолеты в аэропорту, приходится держать в голове все возможные катастрофы сразу.

Но сейчас Вар тоже тревожился. Мама руководит городским кризисным центром. Она помнит графики работы двух десятков волонтеров, отговаривает людей прыгать с моста, принимает роды. Она держит всё под контролем, как будто контроль — это такой зонтик над всем, и она берёт его и держит. Так было всегда. Но *всегда* она не прижимает ладонь ко лбу, как будто он у неё вот-вот расколется надвое.

— Папа. Мама сказала, что у Велика-Важности всё хорошо. Когда её выписывают?

— Да, всё хорошо, просто у неё вчера резко упал сахар в крови... а это плохо при её состоянии. И теперь придётся...

— А что у неё за состояние? Велика-Важность чем-то больна?

— Н-ну... понимаешь, бабушка ведь уже немолода. И то, что она упала...

— Это и есть её состояние? Старость?

— Она упала, вот в чём дело. Врачам надо убедиться, что с ней всё в порядке.

— Ладно, я понял. Так что с вашим планом?

— С планом?

— Ну да. Я провожу лето у бабушки, а вы с мамой работаете в две смены, чтобы мы могли купить дом. Такой же был план?

— Это был план А. — Папа кивнул. Потом взял со столешницы рекламный буклет летнего лагеря «Рекреация». — План Б, возможно, будет немножко другим.

3

Вар стоял на кухне, упершись лбом в сетчатую дверь. Он выстраивал свою защиту.

Если они считают, что он не может оставаться дома один, то он им объяснит: очень даже может. Ему совершенно, абсолютно нечего делать в этом летнем лагере. Лагерь — это примерно то же, что продлёнка, с бесплатным приложением в виде потницы и кучи всяких унижений.

Первый раз его упекли туда на каникулах после первого класса, это было жутко. «Ну что же ты? Надо быть со всеми», — сказала ему тогда вожатая-старшеклассница. «Я и так со всеми», — озадаченно ответил он. «Да нет, ты должен быть *внутри* группы. А ты *снаружи*».

Вар постарался увидеть ситуацию так, как её видела вожатая. Но, похоже, он видел её как-то по-другому. Он видел огромное пространство и в нём много-много детей. Он попытался объяснить: «Когда речь о людях, то *снаружи* — это часть *внутри*», — но вожатая так смеялась, что чуть не повалилась от смеха на другую вожатую, а Вар чувствовал, как у него пылает лицо.

Так он узнал, что место, которое он всегда считал самым правильным для наблюдения, — чуть поодаль, или «на сторожевой башне», как он стал представлять это себе позже, — оказывается, совершенно неправильное.

А когда Вар попробовал забыть неприятный эпизод, он узнал, какие жестокие шутки умеет подстраивать человеку память. Забыть-то можно всё что угодно — например, сам Вар в шесть лет мог запросто забыть причесаться, и точно так же запросто он мог забыть в школе свой ланчбокс; но когда специально стараешься *стереть* что-то из памяти, то чем сильнее стараешься, тем крепче оно впечатывается.

Остальные дети тоже ничего не забыли. Ярлык *снаружи* прилеплялся к нему каждое лето, год за годом, — невидимый, но неотвязный, как дурной запах; и Вара оставляли *снаружи*.

Что, кстати, его вполне устраивало. Зато он теперь всегда следил за тем, чтобы в присутствии взрослых казаться *внутри*. Ничего сложного на самом деле: для взрослых «быть вместе со всеми» означает быть там же, где и все, — чисто географически. Достаточно переместиться на несколько шагов вправо или влево — и ты уже там, где им надо.

Всё равно: больше в эту «Рекреацию» — ни ногой. Даже на недельку-другую, до возвращения в Сансет-Палмс.

Вот там он был по-настоящему счастлив. Бассейн, конечно, глубиной всего-то по макушку, а шириной — можно встать на середину и трогать противоположные стенки руками. Но стоит в него погрузиться — и тебе уже кажется, что всё на самом деле хорошо. Прямо очень хорошо. И почему-то сразу включается воображение. Пока Вар плавал в этом бассейне, у него появлялись десятки отличных идей. Сотни.

А вот ещё, даже лучше бассейна: когда он рассказал бабушке про свой доклад «Защита средневекового замка» и что он хочет построить модель замка, чтобы лучше представить, как там жили рыцари, она вдруг сказала: «Так возьми и построй. Прямо тут. — И обвела рукой обеденный стол. — Где обедать будем? Велика важность... Да хоть за разделочным столом».

А потом начались райские дни, когда он бродил по окрестностям и отыскивал подходящие материалы для замка. И счастливые вечера, когда он его строил. Конечно, он немного скучал по дому. Но что-то внутри него, что было стиснуто и зажато всю жизнь, расправилось там, в Сансет-Палмс.

Вар вышел на задний двор и огляделся: как бы убедить родителей, что он найдёт себе занятие на эту самую недельку-другую? Двор, ему показалось, виновато пожал плечами. «Мальчик обвёл глазами пустошь», — это был голос за кадром. Неслышный, естественно.

«Пустошь» — пожалуй, преувеличение, но не очень большое. Хозяин дома, мистер Шепард, был не из тех хозяев, которые готовы тратить деньги на благоустройство дворов, а родители Вара — не из тех родителей, которые готовы тратить время на стрижку газонов; поэтому двор стоял голый. Старый сарай, забитый хламом, оставшимся от предыдущих арендаторов (которые съехали десять лет назад), пара проржавелых шезлонгов да кривобокий складной садовый стол. И все они будто силились в последний раз глотнуть воздуха, пока сорняки не удушили их окончательно.

— Пустошь, — повторил он.

И вдруг понял: это же ровно то, что надо. Идеально.

Он сбежал с крыльца. Вот она — шикарная, гениальная идея, и даже не понадобился включающий воображение бассейн!

Когда в конце лета родители купят этот дом, то ведь и двор они тоже купят. Шезлонги можно разломать и пустить их на рыцарское снаряжение. Сарай сойдёт за тронный зал. Стол — почти что готовый подъёмный мост, только ножки отпилить. А никчёмная полоска никому не нужной земли сбоку от дома превратится в барбикон — внутренний двор замка, начинённый множеством смертоносных преград. Котлы с кипящим маслом... ладно, на худой конец можно обойтись и без котлов, но катапульта — это обязательно. Он вырежет в заборе зацепки для ног и научится брать высоту с разбега — точнее, брать крепостной вал приступом, вот как это называется. Этот последний мелькнувший

образ был так хорош, что Вар прокрутил его ещё раз, добавив для верности рыцарский девиз: *Выше голову, шире грудь, смело вперёд.*

Вар уселся на край стола, потом откинулся на спину и стал смотреть в небо. Жалко, что он не родился в Средние века. Всё тогда было гораздо проще, особенно если ты рыцарь. У каждого рыцаря была книга с правилами — Рыцарский кодекс чести, там всё было ясно: *Делай всегда то-то, не будь никогда таким-то.* Если ты рыцарь, то тебе всё про себя понятно. Понятно, куда ты идёшь.

А сейчас Вар даже не был уверен, что он вообще куда-то идёт. Скорее — его несёт. Может быть, по течению.

Вот у мамы есть кодекс, как у рыцаря, — чёткий и ясный, и она всё время пытается приобщить к нему Вара. Например, она говорит: «Если ты не думаешь на три шага вперёд, значит, ты уже на четыре шага отстал». Хотя на самом деле это не правило, а головоломка — нет, честно, Вар понятия не имеет, как её распутать.

И у папы есть кодекс, но он весь состоит из каких-то спортивных высказываний, их тоже ещё попробуй расшифруй.

— Вар! — долетел папин голос из дверей кухни.

Голос был раздражённый — похоже, папа звал уже несколько раз. Вар вскочил.

— Ой, извини... Что?

— Быстро домой. Совещание игроков.

4

Мама сидела за обеденным столом, продолжая сжимать в руке телефон.

— Что?

Папа тоже сел, отодвинул третий стул, похлопал рукой по сиденью. Вар остался стоять.

— Что? — повторил он.

— После падения у бабушки перелом шейки бедра. Двойной перелом. Сразу на правом бедре и на левом. — Голос у мамы был бодрый и решительный, но звучал как-то непривычно, как будто не на той высоте. — Ей придётся заменить оба тазобедренных сустава.

— Заменить?! — В голове тупо пронеслись образы предметов, которые приходится время от времени заменять. Лампочки, батарейки, зубные щётки. Но тазобедренные суставы?

— Это такая операция. Сустав заменяют на искусственный. Но детям об этом незачем беспокоиться. — Мама с усилием улыбнулась, а потом вдруг быстро-быстро заморгала.

Тут окружающий мир слегка просел — будто вдруг вспомнил, что внутри он пустой. *Мама собирается заплакать?*

Папу, судя по его виду, мамино моргание ошарашило не меньше.

— Замена сустава — совершенно обычная операция, — включился он. — А бабушка у нас крута, ты же знаешь!

Вар чуть не прыснул. Вот именно, что крута: как закрутит какой-нибудь вопрос! («Просто она прямой человек», — объясняет мама.) Ещё и смотрит на тебя, ждёт ответа. У неё в гостях — они обычно приезжают в Сансет-Палмс по праздникам — чувствуешь себя как на военном параде: даже индейка на День благодарения, кажется, салютует, когда Велика-

Важность проходит мимо. Вар даже чуточку её побаивался, честно говоря.

Но теперь, пожив у бабушки, он узнал её с совершенно другой стороны. Вместо того чтобы обратиться против него, бабушкина «крутизна» стала ему щитом — вот как с Королями-Близнецами.

— Я буду ей помогать, — сказал он. — Когда вернусь к ней на следующей неделе, буду делать всё-всё, что она скажет.

— Нет, — папа покачал головой, — чтобы восстановиться после двух операций, нужно гораздо больше времени. Так быстро она домой не вернётся. Возможно, ей придётся пробыть в больнице до конца лета... То есть...

Мама выпрямилась на стуле.

— Не волнуйся, Вар. Я уже спланировала твоё лето.

И мамино лицо при этих словах посветлело: планирование всегда заряжало её бодростью и энергией.

— Мам, ну пожалуйста, не надо... — попытался протестовать Вар. Все эти планы с графиками казались ему смоляной ямой, в которой так легко увязнуть.

— Я подброшу тебя в «Рекреацию» по дороге на работу. Домой вернёшься автобусом на три сорок пять. Да, обед возмёшь с собой, они там кормят чем попало, мы за это не платим. Так, теперь выходные...

Свет окончательно померк у Вара над головой. Его будни загублены — но городу явно этого мало, специально для него придумали ещё воспитательное учреждение выходного дня. Исправительное учреждение выходного дня. Пока мама объясняла про воскресные обеды, Вар сделал ещё одну попытку булькнуть из смоляной ямы:

— Нет!

— Извини, я не поняла. В каком смысле — нет?

— Я не хочу в «Рекреацию». Я хочу остаться дома. Вашон будет в городе до августа, и Микейла...

— Вар. Ты будешь ходить в «Рекреацию». Продолжаю. Ужинать мы с папой будем дома — будем заезжать между сменами, но...

— Я уже достаточно взрослый, чтобы...

— Ты будешь ходить в «Рекреацию». Перед выходом обязательно наносить солнцезащитный крем — тебе нужен гипоаллергенный, фактор защиты не меньше восьмидесяти, я куплю. Не забывай мазать верх ушей. И пей побольше воды, иначе в середине июля можно получить обезвоживание...

Вар перевёл взгляд на папу. Правила, конечно, устанавливает мама, но иногда...

Папа слушал с раскрытым ртом. За пятнадцать лет брака он так и не привык к тому, как легко его жена разруливает любые проблемы, и всякий раз терял дар речи от восхищения.

— Пап, ну пожалуйста. Мне одиннадцать с половиной. В «Рекреации» вообще нет детей такого возраста.

Отец с усилием оторвал взгляд от жены и сосредоточился на сыне.

— Мы что-нибудь придумаем, чтобы в конце лета вознаградить тебя за терпение. Как ты насчёт нового велосипеда? Или лучше баскетбольное кольцо? Ну или что захочешь. Да, кстати, моя походная аптечка лежит...

— Я захочу не ходить в «Рекреацию»! Вот что я захочу. Можно мне *это*?

Вар старался не показывать родителям, как сильно он сам удивился только что вылетевшим из него словам. Вся кожа на нём натянулась, будто с трудом вмещала новое дерзкое «я», которое непонятным образом выросло в нём за три недели, пока его не было дома.

Мама тоже удивилась, очень. Она открыла рот, но не произнесла ни звука. И то, что её собственный голосовой аппарат может так подвести, кажется, стало для неё последней каплей.

Вар смотрел, как мама подошла к раковине, отжала губку и принялась тщательно вытирать рабочую поверхность.

Потом остановилась. Прислонилась лбом к стенке холодильника. Глядя на её спину, Вар видел, что его мама, которой подчиняются прыгуны с мостов, новорождённые младенцы и целый кризисный центр, почему-то не может сейчас справиться с обычным воздухом: он не желает нормально входить в её лёгкие и выходить обратно. И от этой картины у самого Вара сильно закололо в груди.

Он подошёл и обхватил маму руками. Она повернула голову и смотрела на него долго, молча.

Её волосы, обычно стянутые в тугий узел, растрепались, одна прядь свесилась на электротостер. Вар, конечно, видел, что тостер сейчас ничего не поджаривает, да и мамины волосы вообще-то не металлические; но от папы ему передалась привычка тревожиться по любому поводу. Ещё и эта влажная губка в руке...

Он украдкой протянул руку и выдернул штепсель из розетки.

Мама смотрела на него недоуменно, как будто пыталась понять, кто перед ней. Потом улыбнулась — может, вспомнила.

— Вар, — сказала она, и в её голосе он услышал столько участия и доброты, что в нём на секунду зажглась надежда. — Мне очень жаль. — Она вздохнула. — Но мы должны следить, чтобы у бабушки всё было хорошо, и работать в две смены, и мы просто не можем себе позволить волноваться и о тебе тоже. Думать, как ты тут целыми днями один.

— Ничего ли с тобой не стряслось, — вставил папа.

— Мы должны знать, что наш сын... — Мама дотянулась до проспекта «Рекреации» и зачитала наугад: — «...проводит время в осмысленном социальном взаимодействии с другими детьми». — И припечатала проспект магнитом к дверце холодильника. — Иди собирайся.

5

За всю дорогу, пока они с мамой ехали в городской общественный центр, в помещении которого летом располагался детский лагерь «Рекреация», Вар не проронил ни слова.

Он уже несколько лет подряд приводил все аргументы, какие только можно. Осмысленного социального взаимодействия ему хватает в школе. Там его навалом. Больше чем нужно. А друзья у него есть — Вашон и Микейла. И, кстати, с чего она взяла, будто двое друзей — это мало?

Но иногда ему хочется побыть одному. Иногда ему *необходимо* побыть одному. А если родители так сильно им разочарованы — ну что поделаешь, не повезло с сыном, — может, можно как-то смириться?

Но теперь, стоя перед столом регистрации, Вар жалел, что почти не сопротивлялся. Надо было. И вообще надо было открыть дверцу и выкатиться из машины — не на полной скорости, конечно, и не на дорогу, а на обочину, на траву. Одна девочка так однажды и сделала, он видел в кино. У девочки, правда, был из-за этого перелом руки. Зато мама наконец её услышала.

У директрисы, миссис Санчес, вид был такой вымотанный, что Вар сразу почувствовал себя таким же вымотанным. Она уже бубнила правила.

— Администрация городского общественного центра не несёт ответственности за забытые или повреждённые вещи; сотрудники центра не назначают и не дают лекарств...

Вар отключился — эти правила он выслушивал пять лет подряд — и стал оглядывать зал.

За год ничего не изменилось. Те же бетонные стены, облупившаяся краска цвета лейкопластыря, те же волнистые плакаты: ИЗУЧИ ПРИЁМ ГЕЙМЛИХА — СПАСИ ЖИЗНЬ!; ЯДОВИТЫЕ ЗМЕИ ФЛОРИДЫ; и,

внезапно, — КАК ПРИГОТОВИТЬ ЧАШКУ АРОМАТНОГО КОФЕ.

На полу разметка баскетбольной площадки, оставшаяся от незапамятных времён, и из стены всё ещё торчит баскетбольное кольцо — хотя здесь уже давно играют только в виффлбол, перекидывают пластмассовый мячик пластмассовыми битами. Баскетбол кончился после того случая, когда один юный баскетболист — сила есть, ума не надо — умудрился запулить мяч в окно под потолком. Из-под половиц до сих пор выковыриваются игольчатые стеклянные осколки.

Дальний угол — «Домик искусства», дважды враньё: ни домика, ни искусства. Если, конечно, искусство — это то, что человек делает сам, а не «обведи треугольник по точкам, закрась красным».

И звуки те же, знакомые, — хор писклявых голосов; сейчас они договаривались, кто с кем и против кого сегодня объединяется до вечера.

И, хуже всего, запах тот же, что и всегда: потные ноги, лизол и слабый, но настойчивый запах рвоты от толпы первоклашек — ну понятно, набегались на жаре и толкуются теперь с помидорно-красными лицами в душном зале, и всё съеденное рвётся из них наружу. С Варом раньше тоже такое бывало. Даже сейчас от одного воспоминания завтрак угрожающе качнулся у него в желудке.

Из своей возрастной группы Вар разглядел троих: двух мальчиков и девочку. Группа называется «Одиннадцатые» — значит, те, кому в этом году исполняется одиннадцать лет. И все трое явно в восторге от здешней акустики. Один из мальчиков, поймав взгляд Вара, заухал филином. Второй заглотнул побольше воздуха и испустил раскатистую отрыжку.

Вар кивнул и вежливо взмахнул рукой, но то, что находилось всегда у него в груди, — душа? — тотчас

сжалось и привычно задвинулось вглубь.

За две недели от начала работы летнего лагеря все успели сбиться в стайки и группки. Только двое стояли сами по себе.

Один — долговязый мальчик, которого Вар никогда здесь не видел. Его длинная шея, торчавшая из полосатой футболки, поворачивалась как перископ. Обозрев весь зал на триста шестьдесят градусов, мальчик притворился, будто разглядывает муравьиную ферму на подоконнике. Вар знал, что он притворяется, потому что последние муравьи вымерли ещё несколько лет назад, скорее всего от скуки.

Вторая — девочка лет семи, Грустная Девочка, так Вар звал её про себя. Позапрошлым летом, когда её в первый раз сюда привели, Грустная Девочка целый день проплакала у двери. Её беззвучные слёзы чуть не убили тогда Вара. Он не знал, как их остановить. От отчаяния он утащил у двух девочек постарше мягкую перчаточную куклу — единорога, которого все обожали, — и принёс ей. Но она только прижала единорога к себе и стояла так, уткнувшись лицом в дверь, а слёзы текли и текли, и мокрые ресницы склеились и не разлеплялись.

Сейчас девочка скорбно разглядывала кусок теста для лепки, лежавший у неё на ладони. Тесто было такого же телесного цвета, как и стены, и даже издали, от стола регистрации, Вар видел, что оно уже старое и покрылось корочкой. Грустная Девочка, будто почувствовав взгляд, подняла глаза и посмотрела прямо на Вара. А потом перевернула ладонь, и тесто шлёпнулось на пол. Вар одобрительно кивнул.

Мама вырвала из книжки чек и протянула директрисе.

— Вот, пожалуйста, это за всё лето, включая выходные.

Миссис Санчес написала рядом с его именем: ВСЁ ЛЕТО. Вар представил судью, который пишет в графе «Приговор»: СМЕРТНАЯ КАЗНЬ. То же самое.

— Приходить к нам можно в любое время, когда захочешь. Главное, не забывай записываться в журнале у двери, чтобы мы знали, сколько у нас человек присутствует.

— Ну, он-то будет приходить каждый... — начала мама, но тут директриса вскочила и бросилась оттащить какого-то малыша от мусорной корзины.

— Мам, сколько это стоит?

— Не волнуйся, это совершенно не твоя забота.

— Я не волнуюсь. Просто я заплачу тебе в два раза больше, если ты разрешишь мне остаться дома. — Эти слова произнесло его новое самоуверенное «я» — возможно, слишком самоуверенное: дома в обувной коробке у него лежало всего-то сорок шесть долларов, — но оно произнесло их от безысходности.

— Мне пора на работу, увидимся за ужином. — Порывшись, мама извлекла из глубин своей вместительной сумки проездной. — Держи, это на июль. Автобусная остановка перед входом. — Потом она достала аптечку и пачку влажных салфеток. — Если будешь дотрагиваться до чего-нибудь не очень...

— Мама!

Она застегнула сумку.

— Всё же постарайся хорошо провести день. Может, подружишься с кем-нибудь.

И Вар сдался. Он растянул щёки, надеясь, что получилось похоже на улыбку, и кивнул. Потом подошёл к шкафчикам, открыл одну из дверок и закинул аптечку и салфетки внутрь, поглубже. А рюкзак повесил на крючок. И на этом его силы кончились.

— Одиннадцатые! — крикнула миссис Санчес из боковой двери. — Выходим на круги, Кайл уже ждёт! Десятые, и вы тоже.

Круги. Про круги Вар и забыл. Двенадцать раз обогнуть здание: сначала обычный шаг, потом с высоким подниманием бедра, потом прыжки, потом бег — быстрее и быстрее, когда в висках уже стучит и по спине льётся пот, — и дальше пять кругов «свободных движений», но никакой свободы в этих движениях нет, потому что двигаться всё равно можно только по кругу. Полчаса кругов — обязателька для всех. Два лета в «Рекреацию» ходили дети на костылях, а в один год был мальчик в инвалидной коляске — даже их не освобождали от кругов, только разрешали двигаться помедленнее. Вар вздохнул и направился к двери.

— Этому лагерю нужна нормальная игровая площадка, — сказал он, проходя мимо директрисы, и сам ошалел от того, что произнёс это вслух. Но она была такая вымотанная, что даже не обиделась, только пожала плечами.

— Этому лагерю много чего нужно. Нормальный бюджет, для начала.

6